

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/EETZBN>
УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)7

«ДАЧНЫЙ МИФ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI вв.: СЛУЧАЙ ЮРИЯ МАМЛЕЕВА

© 2023 г. О.А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 17 января 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 24 февраля 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00051: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала»), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: Формирование «дачного мифа» в русской литературе рубежа XX–XXI вв. показано на материале прозы Ю.В. Мамлеева, в первую очередь его романа «Блуждающее время» (2000). С опорой на социокультурную эволюцию феномена дачи в СССР прослежена динамика «дачного топоса» у Мамлеева: в 1960-е гг. («Шатуны» и др.) это финал-апофеоз советского неомифа о русской помещицкой усадьбе как «гнезде» насилия и порока; в 1990–2000-е гг. («Крылья ужаса», «Блуждающее время», «Мир и хохот» и др.) это рождение нового мифа о постсоветской даче с ясными положительными коннотациями. Для его понимания рассмотрены философские взгляды Мамлеева («Последняя доктрина» и «Русская доктрина»), а также сущность его «метафизического реализма» и «метафизического патриотизма». На этой основе проведен анализ шести дачных локусов в романе «Блуждающее время». Сделан вывод о том, что мамлеевский «дачный миф» — принципиально новая категория по сравнению с «усадебными мифами» Серебряного века и советской эпохи, так как в его основе не мифологема «рая на земле» и не разоблачение эксплуататорского «ада», но учение о «России Вечной», которая больше «рая» и «ада» вместе взятых. В уникальном, свойственном только России дачном пространстве открывается, по мысли писателя, «Россия Вечная», одновременно хранящая в себе Абсолют (Бога), распахнутая в непостижимую Бездну и сберегающая свою природно-культурную самобытность.

Ключевые слова: «литературная дача», «дачный миф», «усадебный миф», русская литература рубежа XX–XXI вв., метамодернизм, Ю.В. Мамлеев, «метафизический реализм», «метафизический патриотизм», роман «Блуждающее время».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: Богданова О.А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 200–219. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 2, 2023

THE “DACHA MYTH” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE TURN OF THE 20TH–21ST CENTURIES: THE CASE OF YURI MAMLEEV

© 2023, Olga A. Bogdanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: January 17, 2023

Approved after reviewing: February 24, 2023

Date of publication: June 25, 2023

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00051: “Estate and dacha in Russian literature of 20th–21st centuries: the fate of the national ideal”), <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Abstract: The formation of the “dacha myth” in Russian literature at the turn of the XX–XXI centuries is shown on the prose of Yu.V. Mamleev, primarily his novel “Wandering Time” (2000). Based on the socio-cultural evolution of the phenomenon of the dacha in the USSR, the dynamics of the “dacha topos” in Mamleev’s prose is traced: in the 1960s (“Connecting Rods”, etc.) this is the final apotheosis of the Soviet neo-myth about the Russian landowner’s estate as a “nest” of violence and vice; in the 1990s–2000s. (“Wings of Horror”, “Wandering Time”, “World and Laughter”, etc.) this is the birth of a new myth about the post-Soviet dacha with clear positive connotations. To understand the innovative content of the “dacha myth”, the philosophical theses of Mamleev (“Last Doctrine” and “Russian Doctrine”), as well as the essence of his “metaphysical realism” and “metaphysical patriotism” are considered. On this basis, the analysis of six dacha loci in the novel “Wandering Time” is carried out. It is concluded that Mamleev’s “dacha myth” is a fundamentally new category compared to the “estate myths” of the Silver Age and the Soviet era, since it is not based on the mythologeme of “paradise on earth” and not the exposure of the “exploitative” “hell”, but the doctrine of “Eternal Russia”, which more than “paradise” and “hell” combined. According to the writer, “Eternal Russia” opens up in a unique dacha space peculiar only to Russia, simultaneously preserving the Absolute (God), opened into an incomprehensible Abyss and preserving its natural and cultural identity.

Keywords: “literary dacha,” “dacha myth,” “estate myth,” Russian literature of the turn of the 20th–21st centuries, metamodernism, Yu.V. Mamleev, “metaphysical realism,” “metaphysical patriotism,” novel *Wandering Time*.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova, O.A. “The ‘Dacha Myth’ in Russian Literature of the Turn of the 20th–21st Centuries: The Case of Yuri Mamleev.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, 2023, pp. 200–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>

Проследив в нашей недавней работе (см.: [3]) развитие «дачного текста» в русской литературе XX столетия, мы пришли к выводу о рождении в ряде произведений рубежа XX–XXI вв. «дачного мифа», который прежде всего разворачивается в рамках литературного направления неомодернизма, или метамодернизма. Неомифологизм, как важнейшая черта и модернизма рубежа XIX–XX вв., и метамодернизма, означает широкое мифотворчество, плодами которого являются и «усадебный миф» Серебряного века, и, как мы постараемся показать, современный «дачный миф». При этом последний отнюдь не вариация «усадебного мифа» в новых социокультурных условиях, но самостоятельная категория, обладающая отчетливыми специфическими коннотациями. Для подтверждения сказанного обратимся к творчеству такого значительного писателя современности, как Ю.В. Мамлеев (1931–2015). Основанное им направление «метафизического реализма» вливается в русло метамодернизма по таким признакам, как мифотворчество, ясная авторская позиция, серьезность отношения к поставленным проблемам, наличие положительных ценностей.

Романистика Мамлеева дает богатый материал для исследования «поэтосферы дачи» и «дачного мифа» в русской литературе 1960–2010 гг. Здесь видна динамика в изображении дачи, обусловленная двумя концептуально различными периодами его творческого пути: доэмигрантским (1960-е гг.) и послеэмигрантским (1990–2010-е гг.). К первому периоду относится знаменитый роман «Шатуны» (1968), жестокий натурализм которого до сих пор эпатирует читателей. Второй период отмечен такими знаковыми романами, как «Крылья ужаса» (1993), «Блуждающее время» (2000), «Мир и хохот» (2002), «Империя духа» (2011) и др. Их общее и главное от-

личие от «Шатунов» — в появлении ценностного идеально-положительно-го противовеса абсурдно-страшному миру в виде метафизического образа «России Вечной». И хотя, по свидетельству автора, даже «Шатуны» обладают свойством катарсического очищения читателей (см.: [26, с. 7]), романы рубежа XX–XXI вв. уже в самом своем сюжетно-композиционном строе «несут <...> мощный жизнеутверждающий заряд» [14, с. 248]. Это в первую очередь загородное, дачное пространство, где герои-горожане приобщаются к особой мистике русской природы и к самобытной духовной истории страны.

Дачный дом как основное место действия присутствует уже в «Шатунах», где называется «гнездом», не без парадоксальной интертекстуальной отсылки к «Дворянскому гнезду» И.С. Тургенева. Ведь и название у него подчеркнуто поэтическое — Лебединое, и собирается там избранное общество столичных «метафизических», и соприкасаются они там с людьми из глубинного народа, подобно тому, как в усадьбах XIX в. европеизированные интеллектуалы-дворяне оказывались в среде русского патриархального крестьянства. Однако по степени сгущенности безобразия, грязи, порока и преступления, Лебединое и в бытовом, и в духовно-эстетическом плане — кричащая антитеза любому традиционному «дворянскому гнезду». Это явное развенчание «усадебного мифа» Серебряного века, который в 1950–1960-е гг. как будто начал возрождаться в романтически окрашенной «усадебности» К.Г. Паустовского, Б.А. Ахмадулиной, Б.Ш. Окуджавы и др., а также в ностальгической музеологии пушкинского Михайловского, тютчевского Овстуга, блоковского Шахматова и других восстанавливаемых писательских усадеб XIX – начала XX в. Кроме того, здесь можно увидеть и манифестацию советской усадебной неомифологии 1930-х гг. (см. прозу А.Н. Толстого, Ф.И. Панферова, Г.И. Серебряковой и др.), создававшейся на волне отталкивания от идеализирующего «усадебного мифа»: если для Серебряного века загородное поместье — это, как правило, «рай на земле», то в раннесоветской литературе это крепостнически-эксплуататорский «ад на земле». Хотя тенденция социально-критического изображения помещицкой усадьбы как места жестокого отношения к людям, разврата и насилия над слабыми появилась еще в дореволюционные десятилетия (у Н.А. Некрасова, А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, позднего Л.Н. Толстого и др.), в советское время она была гипертрофирована и аб-

солютизирована, создавая в сознании читателей односторонний мрачный образ, отдаленной проекцией которого можно считать Лебединое из мамлеевских «Шатунов».

Говоря об усадебной генеалогии этого локуса, почему же мы все-таки называем его дачей? Дело в том, что соотношение усадебного и дачного топосов в литературе XX в. неоднозначно и полностью не прояснено. Дореволюционная модель «дачной жизни» России XIX – начала XX в. как особого «социокультурного явления» безвозвратно ушла в прошлое (см.: [6, с. 121, 130]), однако в 1920–1940-е гг. на месте практически упраздненных в революционное лихолетье владельческих усадеб и съемных дач в поселках вдоль железных дорог образовались их субституты: с одной стороны, функционально переформатированные под музеи, клубы, дома отдыха, санатории, детские колонии и прочее усадьбы, с другой — профессионально-ведомственные дачные поселки с государственным жилым фондом, куда не допускались посторонние лица, и съемные комнаты в крестьянских домиках в живописной сельской местности, доступные любому желающему. Вплоть до начала массового дачного строительства в СССР в стране сохранялась съемность летнего дачного жилья как его определяющий признак. И только инициированная государством в 1960–1980-е гг. покупка дачных домов на 6 сотках земли обозначила «размывание института дачи <...>. Отныне дачей стали называть постоянную собственность, хотя и чрезвычайно небольшого размера, где <...> как правило, необходимо вести хоть какое-то хозяйство» [15, с. 414]. Так как в начале XXI в. число дачных участков с домами достигло в России, по разным оценкам, от 20 до 50 миллионов, дача нового типа превратилась в заметное социокультурное явление (см.: [8, с. 448]). Путем докупки земли расширялись участки, дома перестраивались и утеплялись — так быстрыми темпами дача превращалась в подобие дореволюционной усадьбы — семейное «гнездо» для постоянного проживания на лоне природы, нередко место творческого труда. При этом, однако, сохранялись такие определяющие признаки «дачности», как месторасположение в поселке и шаговая близость соседей, зависимость от инфраструктуры (охраны, магазинов, средств связи, транспорта), сравнительно небольшие размеры участка и дома и т. д.

Эволюцию российской дачной жизни второй половины XX в. и уловил Мамлеев в своих романах. Если в «Шатунах» мы наблюдаем пародиро-

вание отрицательного советского неомифа о дореволюционной помещицкой усадьбе в дачном исполнении, то в произведениях 1990-х гг. изображены подобия традиционных усадеб, переформатированных из прежних советских дач. Казалось, были созданы условия для возрождения пленительного «усадебного мифа» Серебряного века. Однако в романах Мамлеева 1990–2000-х гг. рождается особый «дачный миф», с которым мы ранее не встречались. Возможно, до самого конца XX в. его оформлению препятствовала несамостоятельность дачи как разновидности «городского топоса» (подробнее см.: [10, с. 102–103]), однако с появлением владельческих дач для постоянного проживания ситуация изменилась. Симптоматично, что в культуре начала XXI в. именно дача воспринимается как «истинный центр России» и «колыбель гражданского общества»¹ (см.: [20, р. 198]), то есть пространство будущего и перспективная точка роста. При этом подчеркивается самобытность дачи, уникальность этой социопространственной формы: «дача — специфически русское явление», «один из символов <...> национального менталитета», а с 1960-х гг. — «проявление национального стремления возвратиться к поместной России» [18, с. 12, 14, 21].

Вспомним, что для современной культуры характерны «актуализация мифа как системы взаимоотношений человека с миром» и поиск «новой мифологии» как основы для дальнейшего развития [9, с. 33]. Однако в 1957 г., на границе двух культурных эпох — модерности и постмодерности, Р. Барт в книге «Мифологии» отметил, что неомифы XX в. служат не разрешению или изживанию противоречий, как это было в прошлом, а их «натурализации», «обезвреживанию» и даже оправданию (см.: [1, с. 176, 237, 291]). Примерно через 20 лет, в 1979 г. Ж. Бодрийяр, размышляя на страницах книги «Соблазн» о характере современного ему общества тотальной «симуляции», добавил: «Силен только миф, и соблазн живет в сердце <...> мифа» [4, с. 171]. В русской литературе рубежа XX–XXI вв. миф, по наблюдению М.А. Черняк, «перестал быть способом вмещения и понимания реальности, а сделался способом ее замещения» [19, с. 47]. Товарищ Мамлеева по Южинскому метафизическому кружку 1960-х гг., известный поэт-мистик Е.В. Головин писал, что современный миф — это «силовая линия, по которой направляется любое бытие» [21, с. 105], акцентируя его

1 Пер. с англ. О.Ю. Малиновой-Тзиафета.

жизнестроительный потенциал. Как видим, понятие мифа в культуре начала ХХI в. аккумулирует в себе антиномичные характеристики: целостность и дискретность, непротиворечивость и эклектизм, сверхэмпирическую реальность и обманчивую выдумку, бытийно-метафизическую ценность и эфемерную повседневность, общезначимый нарратив и субъективную иллюзию... Рискнем заметить, что в литературе русского метамодернизма с его частичным возвратом к модернистской «серьезности» на фоне тотальной постмодернистской иронии миф все же тяготеет к первым членам вышечисленных оппозиций.

Сам Мамлеев еще с эмигрантских лет ощущал себя мифотворцем. Причем писатель развивал как уже существующие мифы, так и создавал свои, оригинальные. В 1989 г. в Париже он вместе с Т.М. Горичевой выпустил книгу под названием «Новый град Китеж», где предложил собственное прочтение распространенного в Серебряном веке мифа как инструмента «русскоискательства», или религиозно-метафизического познания родной страны. Так было положено начало «Русской доктрине» Мамлеева, впоследствии подробно изложенной в книге «Россия Вечная» (2002). В годы американской эмиграции писатель обратился к эзотерическим учениям Востока, прежде всего Индии, что со временем стало фундаментом оригинального метафизического учения, представленного в главе «Последняя доктрина» его философского трактата «Судьба бытия» (1993). Так к началу 1990-х гг. сложилась мифологическая система Мамлеева, лежащая в основе всей его послеэмигрантской романистики. Для ее понимания необходимо прояснить положения «Последней доктрины» и «Русской доктрины» в их взаимосвязи, а также сущность «метафизического реализма» как основанной Мамлеевым по возвращении в Россию литературной школы.

Метафизическое учение Мамлеева представляет собой сложный синтез восточной метафизики (Адвайта-Веданты), православного исихазма, ницшеанства, философии М. Хайдеггера и религиозных интуиций Ф.М. Достоевского. Собственная «доктрина» писателя-философа обусловлена недостаточностью, по его мнению, христианского «спасения» как приобщения к Абсолюту (Богу, Бытию); он выдвигает оригинальное учение о Бездне, находящейся за пределами Абсолюта, а также о России как своеобразной «щели», граничащей с этой Запредельной Бездной. Именно Россия, по Мамлееву, единственная из всех стран в мире обладает «неким

“тайным качеством”, в котором “отражается” эта Бездна» и которое делает возможным «контакт» с ней [23, с. 128–129]. Таким образом, сам Абсолют (Бог) получает через Россию опыт приобщения к Бездне, благодаря чему таинственно обогащается и расширяется. «Окна» в Бездну — это такие качества русской природы и души, как беспричинная тоска, чувства лишенности и неудовлетворенности, постоянная незавершенность поисков, стремление к крайностям, потребность страдания и негибкая «воля к трансцендентному» [16, с. 63].

При этом Россия, конечно же, призвана нести в себе и зерно Абсолюта — это миссия Православия как «самого истинного центра христианства» [23, с. 136]. Однако, по Мамлееву, «зов Вечной России <...> сильнее зова рая — <...> Вечная Россия несравнима с этим состоянием по своей сути» [23, с. 132]. Другими словами, «Вечная Россия» больше «рая», как Бездна больше Абсолюта. Также запомним слова писателя, сказанные о своих охваченных метафизической жаждой героях: «...в человеке заложена духовная страсть превзойти самого себя, и тогда она может сопровождаться саморазрушением», а на его жизни «лежит отблеск прорыва в зону бездны. Но это не ад <...>» [16, с. 63–64]. Последние умозаключения особенно важны для понимания специфики «дачного мифа» в художественной прозе Мамлеева. Изображенное в его романах пространство постсоветской дачи, в отличие от традиционного «усадебного мифа», не является «раем на земле», но и не становится «адам», как это было в советской усадебной неомифологии. Забегая вперед, скажем, что оно манифестирует новую мифологическую реальность, связанную с близким дыханием Бездны, радостным и ужасным одновременно. Ведь, по слову чтимого Мамлеевым Хайдеггера, «ужасом приоткрывается Ничто» и «ужас, сопутствующий дерзанию <...> состоит <...> в тайном союзе с окрыленностью и смирением творческой тоски» [17, с. 33, 38].

В книге «Судьба бытия» весь последний раздел автор посвятил литературе и искусству как важнейшим сферам выражения метафизики и философии — ведь образ способен «идти дальше, чем мысль» [24, с. 146]. В истории мировой литературы именно мифопоэтика была главным способом введения метафизического содержания в ткань художественных произведений (например, у Данте и Достоевского). Так и в «метафизическом реализме» рубежа XX–XXI вв. взгляд художника направлен «на состояния,

которым нет аналогов в материальном мире, на существа иной, высшей или низшей, нечеловеческой природы, на невидимые или запредельные миры» [5, с. 22]. И это не фантастика (ведь писатель считает, что изображает действительно существующее в духовном мире, пусть и недоступное земному зрению), а миф как «не гипотетическая, но *фактическая* реальность, не функция, но результат, вещь, не возможность, но действительность, и притом жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая» [11, с. 58].

Как видится, интересующий нас «дачный миф» впервые во всей полноте и наиболее концентрированно предстал перед читателем в романе «Блуждающее время». В последующей романистике Мамлеева его манифестации не столь впечатляющи и лишь варьируют находки этого произведения. Так что далее мы сосредоточимся на его анализе.

Действие романа происходит в 1990-е гг. в Москве и на близлежащих дачах. Топика эзотерической Москвы представлена во многих текстах Мамлеева начиная с «Шатунов» и уже осмыслена в ряде исследований (см., например: [14, с. 217–221; 5; 7]). Дачная же топика рассматривается впервые; в тексте «Блуждающего времени» она представлена шестью вариациями: это две дачи-«берлоги» Орлова — героя, практически осуществившего метафизическую Богореализацию; дача Павла Далинина в Загорянке — место отдыха в выходные дни; дача Крушуева — мрачного идеолога серийных убийств «необыкновенных» людей; неприметная дачка, где прятался от опасностей пришелец из будущего «старичок» Никита; и наконец — дача-усадебка Ульяны и Клина Череповых, «блаженное», в отличие от «Шатунов», «метафизическое гнездо» с литературными чтениями и уютными чаепитиями в тенистом саду, где, однако, реют жуткие «запредельные птицы» [22, с. 195]. Рассмотрим каждый из указанных локусов по порядку.

Григорий Орлов — герой, воплощающий в мире Мамлеева практически полное слияние с Абсолютом (который и есть подлинное «Я» внутри человека, в понимании индийской метафизики), то есть «освобождение» от всего временного, человеческого — тела, ума, психики. С другой стороны, по свидетельству метафизически продвинутой Марины — одной из главных участниц московского кружка, Орлов тесно связан с противоположной Абсолюту Бездной, он «некий мистический туннель, по которому проходит <...> запредельное <...> то, что еще никогда не входило в мир» [22, с. 92].

Он не имеет родины, не любит никого из людей, не привязан ни к какому месту на земле. Неудивительно, что его подмосковная дача становится исчезающим пространством: участок производит впечатление «того света», а гости в саду ведут долгие разговоры с «пустым креслом», в котором якобы сидит сам Орлов [22, с. 93]. Тем не менее на столе у этого героя хлеб, квас, яблоки, он угощает гостей домашним «пивком», а перед их отъездом в Москву произносит удивительную фразу: «Да и мир этот презирать надо в меру, есть в нем особые, скрытые аспекты, ой-ей-ей!» [22, с. 99], что нелогично для осуществившего Богореализацию «не человека». Ведь, по учениям индуизма и буддизма, сотворенный Брахманом мир только препятствие на пути к абсолютному «Я» (Атману), всего лишь «метафизическая иллюзия» [25, с. 76–78].

Получается, что достигший Абсолюта (Центра) Орлов по каким-то причинам все же оправдывает существование тварного мира (Периферии). И здесь надо вспомнить оригинальное мамлеевское учение о Запредельной Бездне и о мире как поле взаимодействия между ней и Абсолютом. Таким образом, из досадной помехи для Богореализации (в восточной метафизике) мир и человеческое в человеке (т. е. все, что не Атман) превращаются в самоценные субъекты духовного дерзания, способные привнести в Центр нечто «метафизически важное», чего изначально нет в Абсолюте (см.: [25, с. 86]). Итак, мамлеевский Орлов стоит на пороге нового понимания окружающей земли и природы как одной из манифестаций «России Вечной», несущей в себе отблеск Бездны.

Во второй части романа ученица Орлова Марина и Клим Черепов, молодой писатель-метафизик, во многом автобиографический образ, оказываются в другой подмосковной «берлоге» Орлова. Это «заброшенный, наполовину покосившийся <...> домик» в глухой лесной местности, вокруг «садик, огороженный полуградой». Разговор между ними принимает более радикальный характер: «Человек — это <...> стартовая площадка, чтоб взлететь в неведомое человеку и отрицающее его», — учит Орлов. Причем отрицание касается не только «временного, жалкого “я”», но и «образа и подобия Божия, Атмана, Вечного Я». Другими словами, чтобы повернуться лицом к Бездне, надо отказаться от Абсолюта. Марина и Черепов теперь открыто выступают оппонентами своего учителя: «...я хочу быть и там и там. И в бездне и в своем “Я” (имеется в виду Атман. — О.Б.)», — возража-

ет Марина; «Мы живем на дне ада <...>. Не выбраться из этой пещеры, из этого мира. <...> А вы хотите еще бóльшего, чем света. <...> Мы обречены <...>», — полемизирует с Орловым Черепов. Этот герой настроен сугубо пессимистически по отношению к тварному миру и к тварному в человеке; тотально отрицая их ценность, он не может согласиться даже с половинчатым мнением Орлова, что «этот мир — болезнь». Ведь болезнь поддается излечению; недаром и на этой орловской дачке гостям радушно предлагаются «баранки, плюшки <...> чаек», а тьма в окружающем садике «родная»: «Божество приняло форму пространства» (см.: [22, с. 137–140]). Эта особая «поэтосфера» впитывается Климом, заставляя сомневаться в иллюзорности и ненужности окружающей природы и сложившегося дачного уклада.

Еще один дачный локус в «Блуждающем времени» — бегло обрисованная дача Павла Далинина, одного из центральных героев произведения. Во время необъяснимого провала в прошлое (на 25 лет) он, поддавшись неконтролируемому порыву, изнасиловал незнакомую женщину, вскоре родившую от него сына-чудовище, получившего имя Юлия Посеева. Тяжело переживая это «дикое» метафизическое событие, Павел решает отдохнуть в Загорянке «от ощущения того, что <...> время превращается в пространство <...>. На природе (дача была в березках и елях), все это как-то легче переносилось. Да и ожидание Никиты, “человека будущего”, становилось в лесу веселей» [22, с. 130]. Поясним, что после произошедшего с ним Павел занялся поисками такого же «путешественника во времени» [22, с. 191] — «старичка» Никиты, «провалившегося» в конец XX в. из отдаленного и совсем не светлого, судя по его высказываниям, будущего. Однако дачное пространство в Загорянке, как и в «берлогах» Орлова, не столько располагает к отдыху после городских трудов, сколько похоже на «похороны времени»; во сне к Павлу приходит таинственное божество, «холодное и великое в своем отчуждении». Благодаря этой встрече герой «почувствовал, что есть что-то более ужасное, чем смерть» и преисполнился решимости «продолжать поиск провала и поиск Никиты» (см.: [22, с. 131]). Как и Марине и Черепову на второй даче Орлова, Павлу в Загорянке открывается мистический смысл «ужаса», сопутствующего близкой Бездне. Таким образом, дачное пространство и здесь приобретает сакральный смысл, метафизически переходный характер.

Аналогичная атмосфера окружает и дачку, на которой перед своим окончательным исчезновением прячется пришелец из будущего Ники-

та. Он вынужден скрываться от темных сил, стремящихся или присвоить энергию времени, или абсолютизировать наличный тварный мир, изгнав из него все «высшее». Последнюю цель преследует профессор Крушуев, идеолог убийства «необыкновенных» людей, по указке которого Никиту разыскивает его идейный «сын» Юлик Посеев. Итак, заброшенная дачка «на одинокой пустынной пригородной станции, хотя и рядом с Москвой» — последнее прибежище Никиты в мире конца XX в. — не место отдыха или сельскохозяйственных занятий, но пространство метафизического присутствия и перехода: «Вроде дачка, вокруг нее заборчик, огородик — и все такое полуразвалившееся, без признака человека почти», только «чья-то странная одежонка в стороне на траве лежит. Вроде след какой-то Никиты». В окрестностях дачи открывается «картина, почти ирреальная»: внутри пещеры огонь, и у костра сидел Никита, «будто он пришел не из будущего, а из прошлого» (см.: [22, с. 190]). Вскоре к пещере на автомобиле подъехали необычные люди и увезли Никиту «раз и навсегда». Снова дачное пространство становится ареной «похорон времени» и посредником между эмпирическим миром конца XX столетия и «огромной тенью будущего», «тайной вневременной гармонии» [22, с. 191]. Однако загадка «блуждающего времени» пока не раскрыта для членов московского метафизического кружка.

Обратимся к еще одному дачному локусу исследуемого романа — подмосковному дому Крушуева. Большую часть года профессор жил в многоэтажке на окраине Москвы, где проповедовал Юлику следующее: «Идея у нас такая, чтобы никаких идей у человечества больше не было. <...> Поэты, пророки, писатели, мессии, святые и так далее — наши враги. Их надо уничтожать. <...> Чтоб было спокойно, глупо и тихо. Жрут, пьют, сладострастничают — это пожалуйста. В телевизор глядят — это еще лучше. <...> Но чтоб никакой реальной мистики, никаких прозрений, никаких дыр в другие миры! Ничего высшего!» [22, с. 111]. Таким образом, цель Крушуева — «замкнуть пространство», «закрыть все дыры» в потусторонние миры, в реальности которых он сам при этом не сомневается (см.: [22, с. 112]).

К дачному поселку, где живет идеолог убийства, ездит «ободранная электричка», это обыденный, ничем не примечательный пригородный мир «уток, гусей, деревьев», сам дачный дом даже не достаивается описания автора; мы сразу попадаем в «малюсенькую, точно на собачонку, комнатку со столом у приплюснутого окна», где Крушуев дает Юлику задание разыскать

и убить Никиту. Учитель груб и высокомерен с учеником: «идиот», «чурбан», «Твое дело душить, а не рассуждать» [22, с. 116–117]. Ни метафизики, ни мистики пространства, ни простора. Напротив, подчеркнута несамостоятельность этой вариации «дачного топоса» в романе, ее полная принадлежность к топике большого города. Очевидно, что она контрастирует со всеми вышеобрисованными дачными локусами по таким признакам, как сакральность — профанность пространства и времени, их переходность — изоляция, преодоление смерти — утверждение смерти, положительный модус — отрицательное авторское отношение, творческий потенциал — тупая механистичность, — с акцентом на вторые составляющие перечисленных оппозиций.

Наконец, последняя из обозначенных нами дач — подмосковный дом с участком, принадлежащий семье Череповых. Скажем сразу, что это квинтэссенция нового, создаваемого в романе «Блуждающее время» «дачного мифа», подступами к которому являются изображения дачных локусов Орлова, Павла и Никиты, а контрастирующей антитезой — образ дачи Крушуева. В контексте социально-экономической динамики «дачного топоса» в России XX в. это обрисованная нами выше семейная дача-усадьба 1990-х гг. с круглогодичным проживанием хозяев, щедрым гостеприимством, творческими занятиями и высокими культурными интересами. В контексте писательского пути Мамлеева дачный локус Череповых сопоставлен с «метафизическим гнездом» в «Шатунах» как сложившийся новый миф притягательной аурой и ясными положительными коннотациями — с финалом апофеозом умирающего раннесоветского неомифа о русской помещицкой усадьбе как об «аде на земле».

Первостепенная идейно-художественная важность дачного пространства Череповых в структуре произведения определяется также тем, что оно занимает не менее четверти от всего объема романа, изображается многократно, в динамике и в щедрых подробностях. Еще во время скитаний по дачным окрестностям Подмосковья Клим предается таким размышлениям: «Сверху придет Новая Бездна и сметет все (и природу, и культуру, и религии, и надежды на единство с Ней Самой, с этой Бездной), и из ее Пропasti воздвигнется совсем иное, иное Бытие... Но вовсе не глупо-райское, а непостижимо-бездонное, великое, сверхзагадочное, и воссозданное вовсе не для так называемого счастья каких-то глупых тварей» [22, с. 107–108].

Мы видим, что идеал нашего неомифологического героя противоречит традиционной усадебной мифологеме «рая на земле», ветхозаветного Эдема; новое Бытие, по Черепову, не предполагает безмятежного райского счастья в религиозном понимании, так как Бездна больше Абсолюта. Формирование новой картины мира идет постепенно и требует от героя усилий, чуть ли не подвига. Но пока мы лишь на пороге рождения целостного «дачного мифа», в романном мире Клим еще не вошел в дом Ульяны, само бытие которого изменит и упорядочит мышление этого героя.

Впервые Черепов, все еще убежденный в метафизической обреченности творения как Периферии Абсолюта, попадает в дом своей сестры после отчаянно-хмельных блужданий по окружающему дачному поселку. Он с «ужасом» ждет Бездну, которая без следа сотрет весь человеческий мир. Мир же этот в лице Ульяны, ее семьи, ее дома и сада любовно близок и дорог Климу, он отдыхает там душой и телом: поедает «жирный пирог», запивает квасом, читает мистико-философские стихи, вызывающие у сестры «сладкую жуть». Ведь «Улюшка, сама пухленькая, плоть сладкая, тем не менее, была очень чутка на глубинность» [22, с. 118–120]. Это чудо «сочетания <...> несочетаемого» [22, с. 196] — любимого русского мира и Запредельной Бездны — становится первым проблеском «дачного мифа» в исследуемом романе.

В следующий раз мы оказываемся в этом «метафизическом гнезде», когда Черепов и Павел решают укрыть там Никиту от преследований Посева. Оба «путешественника во времени» сходятся в саду вокруг Ульяниного «огромно-уютного деревянного дома» вместе с другими участниками метафизического кружка: Орловым, Бурановым, Мариной, Таней, Егором, — а также членами семьи хозяйки и домашними животными. На воздухе «большой круглый стол был обильно накрыт, окружен легкими креслами — прямо в саду, в блаженной тени родных деревьев <...>. Самовар, чай, квас, водка, наливки, собственное варенье из кладовой, калачи, пирожки, пышки — так и приглашали к российскому покою» [22, с. 160]. За этим уютным столом хозяева и гости ласково шутят, смеются, ведут долгие философско-метафизические беседы: о конце света, о теориях времени, о «безумии» и парадоксальности мира, о «разрывах» в жизненном течении и прочем.

В один из дней между Мариной и Таней происходит судьбоносный разговор. Марину вслед за Орловым тянет от практически реализованного

в себе Абсолюта к «непостижимой» Бездне. Таня же стремится совместить в себе Абсолют и пугающе-таинственное За-Бытие. В этой связи символично, что Марина покидает «гнездо» ради Москвы, а Таня в нем остается. В другом герое-метафизике, Буранове, в отличие от Марины, «нет ни тени страдания, тревоги — одно бесконечное ощущение бессмертия и Вечности» [22, с. 164]; кроме Абсолюта, для него ничто не реально. Символично, что и он не задерживается в «гнезде» больше, чем на несколько часов. То же можно сказать и об Орлове. Получается, что одностороннее отрицание Абсолюта или Бездны не приживается в этом дачном пространстве.

Сам Клим, как уже говорилось, пока еще опечален метафизической «обреченностью» тварного мира, к которому отчасти принадлежит и «гнездо». Но опыт жизни на даче свидетельствует о другом: «Как здесь-то у нас, на Руси, хорошо», — восклицает Ульяна, обдавая лаской и сердечностью брата, гостей, животных, всю природу вокруг. Здесь чтут Православную церковь, Священное Предание, Святого Паламу как необходимые духовные опоры исторической России. Все это окунает в «теплоту трансцендентности нашей, родимой, укрывающей от бед, и <...> в то же время открывающей окна в Бездну» [22, с. 169–170]. Так, по логике Мамлеева, в уникальном, свойственном только России дачном пространстве присутствует непохожая ни на какую другую в мире страну «Россия Вечная», одновременно содержащая в себе Абсолют, распахнутая в непостижимую Бездну и сберегающая свою природно-историческую «тварность». Так писатель подводит нас к рождению самобытного «дачного мифа».

Полное его раскрытие — в эпилоге романа. Теперь Клим — создатель, хранитель и выразитель выстраданной им новой реальности, «блаженного гнезда Череповых» [22, с. 196], которое стало «центром притяжения» не только для «старой гвардии», но и «для юных писателей из разных потаенных и метафизических кругов». Он «подобрел к этому миру; <...> им овладела какая-то легкая, ирреальная веселость <...>» [22, с. 193]. Вскоре он становится знаменитым писателем-метафизиком, в «гнезде» устраиваются литературные чтения. Рассказы Черепова — это «откровение <...> об иных существах, которые были здесь, на этой земле, или которые еще будут. Все чувствовали, что это не фантастика, не игра воображения, а некая реальность <...>» [22, с. 193]. Как-то в саду, на фоне «огромного, страшного заката» он прочел гостям стихотворение с призывом, услышанным многими:

...На лужайке лихие медведи
В ад играют, а сами в огне.
Оглянись, все, что есть, только снится,
Выходи из Великой Игры,
Становись запредельною птицей,
Страшен будь наподобие тьмы

[22, с. 194–195].

В другой из осенних вечеров в дачном саду снова были разговоры и угощение: «Маленькая скатерть на земле, посередине которой стоял самовар, и вдруг встал неизвестный пока человек и произнес несколько слов о России, о ее необъятном <...> глубинном пространстве, о ее бездне, о непознаваемой и запредельной России... “Ибо недаром мы именно здесь”, — закончил он». После этого говорились тосты: сначала за беспредельность, веющую «тихим ужасом <...> захватывающим, увлекающим в себя», затем — «за бытие, за то, чтобы быть здесь! Да, запредельность, конечно, должна быть, но нам надо и здесь быть, как Россия есть здесь! Быть здесь!.. За бытие наше!» [22, с. 195]. Так в дачном пространстве России происходит окончательное «сочетание <...> несочетаемого», «беспредельности и умиления», Клима и Ульяны как родных брата и сестры. «Встреча эта перешла в сказание», — заключает автор-мифотворец [22, с. 196]. «Дачный миф» Мамлеева выступает здесь как наиболее яркое выражение его «метафизического патриотизма», то есть особенной любви к России: она не просто страна среди других стран, пусть и несущая в своей культуре великое духовное ядро — православное христианство, — но и уникальное, единственное в мире «окно» в Запредельную Бездну с ее грандиозными, грозными тайнами.

Итак, мы проследили, как на протяжении действия «Блуждающего времени» в сознании героев (Орлова, Буранова, Марины, Тани и др.) формируется новая картина мира, в эпилоге романа воплощенная и положительно осмысленная в «дачном мифе» подмосковного «метафизического гнезда» Клима и Ульяны Череповых. Очевидно, что мамлеевский «дачный миф» — принципиально новая категория по сравнению с «усадебными мифами» Серебряного века и раннесоветской эпохи, так как в его основе не мифологема «рая на земле» и не разоблачение хищно-безнравственного «ада на земле», но учение о «России Вечной», которая больше «рая» и «ада» вместе взятых. С

одной стороны, дачное пространство написанного в 2000 г. произведения на- поминает усадебный «рай на земле» русской классики XIX в. (вся линия Улья- ны: семейственность, уют, радушие, гармония природы и культуры), с дру- гой — впитывает в себя коннотации усадебного неомифа революционных 1910–1920-х гг. (Святая Русь в речах Тани, близость к Православной Церкви) (подробнее см.: [2, с. 167–180]), с третьей — манифестирует евразийский лик России (присутствие Абсолюта-Атмана внутри человека, единство с духовной Индией в диалогах Марины и Буранова), и наконец — демонстрирует при- частность к Запредельной Бездне с ее притягательным «ужасом» (судьбы Ор- лова, Клим Черепова, «путешественников во времени» Павла и Никиты).

Относительно советского неомифа об усадьбе как «гнезде» насилия и порока в «Шатунах», «дачный миф» в «Блуждающем времени» выступи- ет не столько антитезой, сколько диалектическим преодолением благодаря пересмотру понятия «ад на земле». Для раннего Мамлеева это не метафора и не этически отрицательное иносказание, а метафизическая реальность, пусть жестокая и безобразная: «...книга («Шатуны». — О.Б.) описывает ад, причем современный ад, ад на планете Земля без всяких прикрас» [26, с. 7]; в зрелом творчестве она осмысляется как «Великая Игра», которая может быть «перетасована» только в многосоставном целом «России Вечной».

И Клим с Ульяной, и многих из их гостей можно считать новым кол- лективным культурным героем — все они, по Мамлееву, строители будуще- го бытия, которое начинается в дачном локусе Череповых, символизирую- щем «Россию Вечную». И если в городском топосе Москвы Клим окружала «аура дикой бесшабашности, сна, визга и радости саморазрушения» [22, с. 128], то в дачном мире он и его последователи захватываются процессом мифотворческого самосозидания. Таким образом, в романистике Мамле- ева рубежа XX–XXI вв. происходит рождение «дачного мифа» как прин- ципиально новой черты российского национального самосознания. И это не удивляет, если признать, что постсоветская дача — «ключ к пониманию фундаментальных вопросов современной России» [12, с. 360].

Список литературы

Исследования

- 1 Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 5-е изд. М.: Ака- демический проект, 2019. 351 с.

- 2 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 3 *Богданова О.А.* Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>
- 4 *Бодрийяр Ж.* Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 317 с.
- 5 *Бойко М.* Метакритика метареализма. М.: Литературные известия, 2010. 92 с.
- 6 *Гавришкина В.* «Дачная жизнь» как социокультурный феномен // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 121–130.
- 7 *Григорян А.* Дойти до дна ада: Достоевский, Сологуб, Мамлеев // *Вопросы литературы*. 2016. № 5. С. 81–101.
- 8 *Копотева И.* Шесть узаконенных соток // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 447–461.
- 9 *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2011. 352 с.
- 10 *Ловелл С.* Дачники. История летнего житья в России. 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенов. СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
- 11 *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 429 с.
- 12 *Малинова-Тзиафета О.* (Пост)советские дачи и дачники, воображаемые и реальные (Рец. на кн.: Caldwell M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley; L.A., 2011) // *Новое литературное обозрение*. 2013. № 6. С. 359–366.
- 13 *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX в.: уч. пос. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- 14 *Решетов Т.* Метафизика Мамлеева // *Мамлеев Ю.В.* Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма. М.: Энненагон, 2006. С. 247–261.
- 15 *Рыжакова С.* «Крестьянский домик, нанимаемый горожанином»: о некоторых метаморфозах петербургской / ленинградской дачи в XIX–XX вв. // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 409–416.
- 16 *Сараскина Л.И.* Человеческое и иное измерение. Два диалога с писателем Юрием Мамлеевым // *Сараскина Л.И.* Непреодоленное: Диалоги двух десятилетий. Тула: Ясная Поляна, 2009. С. 57–68.
- 17 *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Биbihина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
- 18 *Цивьян Т.* О мифологических коннотациях дачи // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 11–24.
- 19 *Черняк М.А.* Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу: уч. пос. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 233 с.
- 20 *Caldwell M.L.* *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; L.A.: University of California Press, 2011. XXII, 201 p.

Источники

- 21 Головин Е. Мифомания. М.: Циолковский, 2021. 312 с.
- 22 Мамлеев Ю.В. Блуждающее время: Роман // Мамлеев Ю.В. Собр. соч. М.: Эксмо, 2017. Т. 2. С. 65–199.
- 23 Мамлеев Ю.В. Россия вечная. М.: Традиция, 2020. 232 с.
- 24 Мамлеев Ю.В. Статьи и интервью: сб. М.: Традиция, 2019. 296 с.
- 25 Мамлеев Ю.В. Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма. М.: Энненагон, 2006. 262 с.
- 26 Мамлеев Ю.В. Шатуны: Роман // Мамлеев Ю.В. Собр. соч. М.: Эксмо, 2016. Т. 1. С. 7–101.

References

- 1 Bart, R. *Mifologii* [*Mythologies*], trans. from French, preface and notes by S. Zenkin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 351 p. (In Russ.)
- 2 Bogdanova, O.A. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: Monografiia* [*Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology: A Monograph*], ex. ed. E.E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
- 3 Bogdanova, O.A. “Formirovanie issledovatel'skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoi literature XIX–XXI vv.” [“Formation of the Research Thesaurus in Study of the Phenomenon of Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29> (In Russ.)
- 4 Bodriiari, Zh. *Soblazn* [*Temptation*], trans. from French by A. Garazdhi. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 317 p. (In Russ.)
- 5 Boiko, M. *Metakritika metarealizma* [*Metacritics of Metarealism*]. Moscow, Literaturnye izvestiia Publ., 2010. 92 p. (In Russ.)
- 6 Gavrishkina, V. ““Dachnaia zhizn'” kak sotsiokul'turnyi fenomen” [“Country Life as a Socio-cultural Phenomenon”]. Bashmakoff, N., and M. Ristolainen, editors. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Alersanteri Institute Publ., 2009, pp. 121–130. (In Russ.)
- 7 Grigorian, A. “Doiti do dna ada: Dostoevskii, Sologub, Mamleev” [“Reach the Bottom of Hell: Dostoevsky, Sologub, Mamleev”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2016, pp. 81–101. (In Russ.)
- 8 Kopoteva, I. “Shest' uzakonennykh sotok” [“Six Legalized Acres”]. Bashmakoff, N., and M. Ristolainen, editors. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Alersanteri Institute Publ., 2009, pp. 447–461. (In Russ.)
- 9 Kostina, A.V. *Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [*Mass Culture as a Phenomenon of Post-industrial Society*]. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)
- 10 Lovell, Steven. *Dachniki. Istoriia letnego zhit'ia v Rossii. 1710–2000* [*Summer Residents. The History of Summer Life in Russia. 1710–2000*], trans. from English by

- L.G. Semenova. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2008. 347 p. (In Russ.)
- 11 Losev, A.F. *Dialektika mifa* [*The Dialectic of Myth*]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 429 p. (In Russ.)
- 12 Malinova-Tziafeta, O. "(Post)sovetskie dachi i dachniki, voobrazhaemye i real'nye. Retenziia na knigu: Caldwell M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley; L.A., 2011" ["(Post)soviet Dachas and Summer Residents, Imaginary and Real. Review of: Caldwell, M.L. *Dacha Idylls*. Berkeley, L.A., 2011"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2013, pp. 359–366. (In Russ.)
- 13 Nefagina, G.L. *Russkaia proza kontsa XX v.: Uchebnoe posobie* [*Russian Prose of the End of the 20th Century: A Textbook*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)
- 14 Reshetov, T. "Metafizika Mamleeva" ["Mamleev's Metaphysics"]. Mamleev, Iu.V. *Sud'ba bytiia. Za predelami induizma i buddizma* [*The Fate of Being. Beyond Hinduism and Buddhism*]. Moscow, Ennenagon Publ., 2006, pp. 247–261. (In Russ.)
- 15 Ryzhakova, S. "'Krest'ianskii domik, nanimaemyi gorozhaninom': o nekotorykh metamorfozakh peterburgskoi / leningradskoi dachi v XIX–XX vv." ["'A Peasant's House Hired by a Citizen': About Some Metamorphoses of a St. Petersburg / Leningrad Dachas in the 19th–20th Centuries"]. *The Dachas Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Alersanteri Institute, 2009, pp. 409–416. (In Russ.)
- 16 Saraskina, L.I. "Chelovecheskoe i inoe izmerenie. Dva dialoga s pisatelem Iuriem Mamleevym" ["Human and Other Dimensions. Two Dialogues with the Writer Yuri Mamleev"]. Saraskina, L.I. *Nepredolennoe: Dialogi dvukh desiatiletii* [*Insurmountable: Dialogues of Two Decades*]. Tula, Iasnaiia Poliana Publ., 2009, pp. 57–68. (In Russ.)
- 17 Khaidegger, M. *Chto takoe metafizika?* [*What is Metaphysics?*], trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)
- 18 Tsiv'ian, T. "O mifologicheskikh konnotatsiakh dachi" ["About the Mythological Connotations of the Dachas"]. Bashmakoff, N., and M. Ristolainen, editors. *The Dachas Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Alersanteri Institute Publ., 2009, pp. 11–24. (In Russ.)
- 19 Cherniak, M.A. *Aktual'naia slovesnost' XXI veka. Priglasenie k dialogu: Uchebnoe posobie* [*Actual Literature of the 21st Century. Invitation to Dialogue: Tutorial*]. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2015. 233 p. (In Russ.)
- 20 Caldwell, Melissa L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L.A., University of California Press, 2011. XXII, 201 p. (In English)